

Стали ли причиной этого умелые руки доктора Линя, неусыпное внимание верных служанок, или чудодейственное средство, которое передала Первая принцесса, но вскоре молодой господин Фэн пошел на поправку. Вначале он пришел в сознание, после отступил жар и к юноше вернулся аппетит: всего за несколько дней, так же, как болезненное пламя объяло его, оно и отступило, оставив за собой лишь слабость и дурные воспоминания о горячечных снах. За проведенное в постели время лицо молодого господина Фэна осунулось, голос стал глух, а глаза из-за общей худобы запали, отчего стали казаться большими и круглыми, словно сияющие бронзовые монеты. Теперь взгляд Фэн Жуна был не просто бесконечно наивен, но и жалок настолько, что сердце замирало от случайного взгляда на него. Сложно было даже подумать о том, чтобы этому измученному болезнью молодому человеку сказать слово против — лишь господин Ли попытался.

— Вы отдыхали достаточно времени, теперь пришла пора вернуться к делам, — сказал он, когда после визита к бабушке Фэн Жун самостоятельно навестил его. Под руку юношу поддерживала Мэйхуа, Мэйцзи следила за каждым шагом, а позади словно императорская гвардия следовали другие служанки.

Фэнцзи, которая все еще числилась при Саде камелий, но в последние дни проводила времени у Фэн Жуна несоизмеримо больше, всплеснула руками. Она воскликнула:

— О чем вы говорите, господин?! Наш молодой хозяин лишь благодаря покровительству предков рода смог вернуться к нам, теперь его нужно беречь, словно драгоценную жемчужину! Пусть отдыхает столько, сколько будет нужно, никто не осудит!

— Мне и самому надоело маяться в комнатах, оставь, — примирительно ответил Фэн Жун и с тяжелым вздохом сел в кресло напротив Ли Инчуня. На его осунувшемся лице появилась улыбка: — Вот что значит старость? Мои ноги и руки такие слабые, что я едва могу шевелить ими, а поясница ноет не переставая. За эти дни прошли будто десятилетия!

— Это оттого, что ты лежал без движения, — сухо отозвался господин Ли. — Не пренебрегай тренировками и быстро восстановишься.

— Лекарь Линь сказал тоже самое, — покивал головой Фэн Жун. Между ним и Ли Инчуном стояла курильница для благовоний в виде тигра, из пасти которого неспешно сочились струи дыма. Аромат трав заполнил комнату, перебив запахи лекарств, и в его молочном мареве на лице господина Ли появилось задумчивое выражение.

— Хотя пока в тренировках не усердствуйте, — сказал он. — Раз вы поправились, то пришла пора посетить Императора, а перед ним лучше выглядит максимально жалко.

Мэйцзи возмутилась:

— Господин не жалкий, он болен!

Но Фэн Жун примиряюще махнул ей рукой. Он видел себя в зеркале и понимал, как выглядит теперь. Если раньше его внешность можно было назвать выдающейся, то болезнь оставила на ней темную тень. С менее симпатичными людьми случилось бы так, что они стали уродливы, но Фэн Жун вместо того будто приобрел томности и слабости, свойственной нежным осенним цветам. Единственное дыхание ранних заморозков — и они падут, поверженные, но до тех пор тонкие лепестки будут радовать всякого проходящего хрупкой красотой. Подобным образом выглядела и Фэн Сяолин после родов, и этим своим видом в полной мере пользовалась — Фэн Жун тоже не планировал его упускать.

— Я уже отправил письмо сестре и во двор Императора, где сообщаю, что пришел в себя.

— Правильно, — кивнул Ли Инчунь. — Император любит вас, уже обдумал ваши слова, а ваша болезнь очень кстати напомнила ему о хрупкости человеческой жизни. На днях он должен призвать тебя к себе и снять наказание. В этот момент вам вновь нужно упомянуть о Первой принцессе.

— Чтобы снова получить наказание? — прищурился Фэн Жун и от его выражения, подозрительного, но азартного, невольно улыбка коснулась отрешенного лица Ли Инчуна. Он вдруг ощутил гордость, какую родители ощущают при первых шагах или ученых изысканиях своих глупых детей. Всего день назад ты наблюдал, как ребенок пробует на вкус землю, а вот он уже рассуждает о великих предках: это ли не живительное влияние строгости и ивовых розг?

— Он не станет наказывать вас, — сказал господин Ли. — Пусть это и не его вина, но сердце Императора полно дыр — в одной из них и поселилась мысль о том, что ваша болезнь может быть связана с его жесткой отповедью. Вы нравитесь ему, а ваша семья всегда являлась верными подданными драконьего трона, потому терять вас и как человек, и как Император Его Величество не хочет. Кроме того, он наверняка обдумал ваше предложение и понял, что оно может обернуться удачей.

— То есть он позволит мне взять Ее Высочество на праздник? — с надеждой спросил Фэн Жун, и вместе со своими слугами в ожидании замер.

— Скорее всего, — кивнул Ли Инчунь. Прерывая чужую радость, он, однако, продолжил: — Я не могу читать мысли Императора, но у него нет больше причин, кроме собственного высокомерия, не поступать так. Первая принцесса ему дорога, а вам он доверяет — отчего не согласиться?

Фэн Жуна эта новость очень вдохновила, он готов был прямо сейчас броситься к Императору — но господин Ли остановил его, напомнив, что многие другие дела ждут молодого господина. За время его болезни в поместье ни раз приходили люди из министерства, чтобы решить рабочие дела, контроль требовался за лавками семьи Фэн, резиденцией и слугами... Молодой господин до глубокой ночи был погружен в эти дела в тишине своего кабинета. Господин Ли сидел рядом, иногда подсказывая ему, но все больше занимаясь собственными делами. Лишь когда последнее тепло дня испарилось с укрытой снегом земли и мир окутал пронзительный холод, Ли Инчунь бесцеремонно затушил свечи на рабочем столе молодого господина и под радостные причитания его служанок отправил того отдыхать.

Укладываясь, однако, молодой господин все равно долго не мог унять радостного возбуждения. От метался на кровати из стороны в сторону, чем вызывал беспокойство у переживающих о его состоянии слуг, тяжело вздыхал и все старался отогнать от внутреннего взора представления о том, как гуляет с Первой принцессой — и желая их в той же степени. Наконец в середине ночи, не выдержав, Фэн Жун позвал Фэнцзи, которая была для него ближе других служанок, и уложил ее рядом с собой. Мэйцзи и Мэйхуа были слишком юны, чтобы понять его переживания, с тому же не просто так слыли в поместье грубиянками: молодой господин при всей любви к ним не решился бы открыть девушкам самую уязвимую часть своей души.

С Фэнцзи же он шепотом поделился:

— От мыслей о том, что Император может позволить мне гулять с Ее Высочеством я сам не свой. Нужно произвести и на него, и на нее хорошее впечатление, показаться надежным и

умным...

— На Ее Высочество по-моему мнению вы и так произвели впечатление даже лучше, чем желали, — тем же тихим голосом отозвалась служанка. Она лежала в кровати Фэн Жуна в легких белых одеждах, укрытая его одеялом и замерзшими ногами чувствуя его все еще горячие от легкого жара лодыжки. В благородных семьях не было запрета на то, чтобы служанки грели постель своим господам, но молодые люди и не думали касаться друг друга, вместо того свистящим шепотом до самого утра обсуждая пылкую влюбленность одного из них.

С рассветом Фэнцзи пришлось уйти по делам, а Фэн Жун на правах болезного господина дремал в постели до самого обеда. Лишь после того он поднялся, нехотя облачился и отправился прежде всего в Сад камелий, чтобы узнать о делах. Там неожиданно было довольно оживленно: в главной комнате на кровати-луохань у окна сидели Ли Инчунь и Пятый принц, Фэнцзи прислуживала им, а чуть ниже на низкой лавочке устроились словно птицы на ветке дерева седобородые даосы. Вид их посеребренных старостью голов склоненных перед двумя юнцами был в самом деле нелеп, и в первый миг Фэн Жун подумал, что даочжаны терпят издевательства, но на лицах их не было обиды и, в самом деле, они были достаточно сильны, чтобы не дать себя в обиду.

Молодой господин, однако, не удержался от возгласа:

— Вы никак играете белое лицо, задирая того, кто не может возразить! Разве это достойное поведение для принца?

— Такова моя репутация и ее приходится придерживаться, — и не думая что-либо отрицать, пожал плечами Пятый принц. Господин Ли, потакая ему, вздохнул:

— Вы же знаете, молодой господин, какой Его Высочество грозный: даже перед старостью не имеет почтения.

— Так и есть, — покивал Фэн Жун и, войдя в комнату, устроился между друзьями. Столик с кровати-луохань был сейчас убран, а молодые люди сидели по обе ее стороны, освобождая место в центре: они словно специально не желали садиться друг к другу слишком близко. Фэн Жун же решительно не замечал терпкого напряжения между двумя людьми и, усевшись между господином Ли и Пятым принцем, за мгновение разрушил царящую меж ними томную атмосферу. За его спиной молодые люди переглянулись, но каждый, заметив в глазах другого сожаление, промолчал. Молодой господин меж тем сказал: — Так что тут у вас творится?

Чжунчу Чэн поднял голову и пояснил за своего нерадивого шисюна:

— Молодой господин, вы все неправильно поняли, нас не ругают. Мы с Вэньяном просто уезжаем и нам дают последние наставления.

— Уезжаете? — удивился Фэн Жун. — Куда?

— Мы возвращаемся в цзянху, — переглянувшись с собратом, ответил Ян Вэньян. — Нам нужно вернуться, чтобы...

— Чтобы снять проклятье! — бессовестно влезла в разговор Фэнцзи. Она приблизилась к Фэн Жуну и двумя руками, с таким почтением, что не проявляла даже к принцу, подала чашку чая. Дождавшись выражения удивления на чужом лице, Фэнцзи рассказала: — Это двое оказывается прокляты, потому выглядят так, а на самом деле они еще младше меня!

— В самом деле? — удивился Фэн Жун, но нечто в его душе говорило, что это звучит очень правильно и многое объясняет. — И сколько вам лет?

— Мне шестнадцать, — сказал Чжунчу Чэн, не скрываясь, а Ян Вэньян, которому все же немного нравилось строить из себя умудренного опытом старика, нехотя пробормотал:

— Семнадцать.

— Говори громче, иначе тебя никто не услышит, — сказал ему Пятый принц. — Или лишь когда надо заирать других вы полны решимости и силы?

— Шисюн, мы же уже извинились... — пробормотал Чжунчу Чэн, а Фэн Жун перевел на Фу Ичжэня взгляд:

— Ты знал?

— Конечно, — не скрывая самодовольства фыркнул Его Высочество. — В нашей секте они были моими шиди, потому я взялся скрыть их от учителя и помочь, когда они подверглись проклятию. Тогда я думал, что делаю благое дело, а оказывается вскормил тигров.

— Мы многим помогли... — так же тихо возразил Ян Вэньян. Пятый принц вздернул бровь и обратился к нему:

— Говори так, чтобы я тебя слышал.

Видя, что несговорчивый по характеру старший соученик желает нажать себе неприятностей, Чжунчу Чэн одернул его за рукав и с просьбой обратился к Фу Ичжэню:

— Он не думает, что говорит, шисюн, но в чем-то все же прав... Пусть мы поступили глупо и очень о своем поступке сожалеем, — Пятый принц хмыкнул. — За время в столице мы многим тебе помогли, во всем слушались, не влезали в драки и неприятности, и даже помогли высвободить шинянь...

В этот момент уже Ян Вэньяну пришлось затыкать говорливому соученику рот. Пусть некоторые вещи они без стыда обсуждали меж собой, их шисюн был резок, строг и довольно злопамятен, потому раздражать его без причины не стоило. Оба даоса, опутив белоснежные бороды, сжались словно мыши под острым взглядом хищника.

Даже Фэн Жун ощутил возникшую вдруг в воздухе неловкость. Он не знал многого об этих причудливых отношениях заклинателей, потому не понял в самом деле, в чем провинились даосы, но, памятуя иные их заслуги, предпочел заступиться. Молодой господин ощущал, как два взгляда скрестились за его спиной, когда он сказал:

— Довольно нравоучений. Ты их старший, но не учитель ведь, чтобы отчитывать так строго. Лучше расскажите, — обратился Фэн Жун к даосам. — Когда вы уезжаете?

— Завтрашним утром, — поняв чужой замысел, ответил Ян Вэньян. Он с теплом относился к молодому господину Фэну за его легкость и обладающее будто сотней отверстий сердце, но в этот момент проникся к Фэн Жуну почти сыновьей почтительностью. Глядеть что на шисюна, что на господина Ли не хотелось. — Мы прощаемся сегодня, а с рассветом покинем город.

Ли Инчунь вздохнул: котенок, что лежал на его коленях, повторил это движение и зевнул с видимым удовольствием.

— Император все еще недолюбливает Его Высочество, потому вряд ли согласится отпустить даосов миром. Кто знает, может в цзянху они отправляются за неожиданными помощниками принца в свержении своего отца?

Фу Ичжэнь, не удержавшись, скривился, словно от зубной боли.

— Даже в шутку не стоит говорить подобных вещей.

Господин Ли только пожал плечами и как ни в чем не бывало продолжил:

— Потому будет объявлено, что они в поместье принца ушли в глубокую медитацию. К главам городских храмов уже отправлены люди, чтобы убедить их поступить так же: причин они не знают, но если все примутся медитировать в одно время — во славу вечного здоровья и мирного правления Императора, конечно же, — это не посчитают странным. Да и у людей, что хотят зла Пятому принцу, окажутся развязаны руки.

— Пойдите, — сказал Фэн Жун, который, внимательно слушая, фарфоровой крышечкой убирал из чашки чайники. — Господин Ли, вы не говорили, что за время моей болезни у Его Высочества появились враги, упоминали только Третьего принца.

— Третий, Пятый, велика ли разница, — легко отозвался Ли Инчунь. Фу Ичжэнь поглядел на него, но ответного взгляда не дождался и нехорошо прищурился. — Быть сыном Императора тоже самое, что родится с мишенью на грудь. Все же ранее на даосов принца нападали — это ли не проявление дурных намерений по отношению к нему?

Один из даосов при этих словах невольно поежился: это на него некоторое время назад, пока он возвращался из поместья Фэн, напали неизвестные. Пусть синяки с тела юноши сошли, на его хрупкой душе все еще остались неизлечимые раны. Не такие глубокие, как ему казалось, и напоминавшие более царапины от молочных коготков Дами, чем след вражеского меча — но все же. Кроме того теперь казалось, что события эти произошли так давно. С тех пор, как ночью неизвестные решили проверить навыки даоса, он успел подружиться с господином Ли, сблизиться с молодым господином Фэном и обитателями его поместья, узнать страшную тайну Мин Цзе и его связь с Ли Инчуном, раскрыть заговор против благовонной лавки и бедной Яньлинь... Душе молодого человека казалось, что за эти холодные месяцы прошла целая жизнь — а теперь ему предстояло на время уехать. От мыслей об этом чистые словно роса слезы навернулись на испещренные старческими морщинами ясные глаза.

Он поднял взгляд и сказал:

— Шисюн, мы постараемся вернуться как можно скорее. Не переживай, мы не оставим тебя одного надолго.

Пятый принц фыркнул:

— Будто кому-то нужна ваша помощь. Я знаю больше вашего и лучше сражаюсь.

Словно не слыша, Чжунчу Чэн поглядел на Ли Инчуня:

— И вас, господин Ли, тоже.

— Я не стану отказываться от заступничества, — бесстыдно сказал тот.

Почувствовав, что еще немного и даосы начнут клясться всем присутствующим по

заклинательским традициям в вечной дружбе, Ли Инчунь предпочел за лучшее поскорее выпроводить их. Ян Вэньян и Чжнучу Чэн послушно ушли — им нужно было попрощаться еще с Мэйцзи, Мэйхуа, стариком Линем и другими слугами поместья, — молодой господин Фэн отправился поприветствовать бабушку, а Фэнцзи украдкой ускользнула за ним. Скоро должен был прийти учитель Юань, чтобы продолжить наставлять господина Ли, но пока во внешних комнатах он остался с Пятым принцем наедине. Не считая, конечно, мирно дремлющего Дами.

— Что, значит нет разницы между Третьим и Пятым? — спросил с игривой строгостью Фу Ичжэнь, как только молодые люди остались одни. Господин Ли не стал настаивать:

— Некоторое отличие все же, конечно, есть. Ваше Высочество явно более находчив.

— И только? — вздернул бровь Пятый принц. Ли Инчунь вздохнул, но поддержал его игру:

— И предусмотрителен, поскольку полагается не только на слуг.

— И?

— И надоедлив, ведь там, где Третий принц уже бы отступил, он продолжает допытываться, — с раздражением сказал господин Ли. Пятого принца не отталкивало хмурое выражение его лица: наоборот, будто для позолоченных изяществом черт и янтарных глаз, что с каждым днем становились все ярче, не было выражения более подходящего. Фу Ичжэнь хотел ответить, но тут в дверь постучали. С улицы раздался голос:

— Инчунь, ты здесь? Слуг во дворе нет, неужели и ты решил сбежать с занятий?

— Не дожدهшься, — повысив голос, ответил Ли Инчунь. — Входи.

Двери открылись и в комнату, подрагивающий от свежести, вошел Юань Яо. Он всегда будто находился в приподнятом настроении, вот и сейчас улыбался, прижимая к себе какие-то книги. Молодой учитель хотел что-то сказать, но увидев Пятого принца заробел, и лишь неуверенно поклонился.

— Подожди в комнате, — сказал ему господин Ли тоном таким спокойным, будто ничего не происходило. В самом деле между молодыми людьми трудно было заметить какое-то напряжение: они сидели на приличествующем расстоянии, чинно беседовали и даже почти не глядели друг на друга... Отчего же Юань Яо чувствовал, словно чему-то помешал?

Кивнув, он торопливо ушел в комнату, где обычно проходили занятия, продолжая повторять себе, что следует выбросить из головы любые домыслы: о чем вы? Он точно не видел искрящегося в комнате пламени только что. Когда Юань Яо скрылся, Ли Инчунь посмотрел на Пятого принца: при должном уровне воображения в его взгляде можно было разглядеть нежелание разлучаться.

— Вашему Высочеству лучше зайти позже. Раз молодой господин выздоровел, вы можете поиграть с ним. Если вам нечего более сказать... — господин Ли принялся было подниматься. Дами тут же проснулся и легко соскользнул с его коленей, но на бледную ладонь Ли Инчуня вдруг легла чужая нежная рука. Фу Ичжэнь приблизился и юношу обладало сандаловым запахом его одежд.

Пятый принц быстро что-то прошептал господину Ли на ухо. От теплого воздуха, что неожиданно огладил его кожу, Ли Инчунь в первый миг не понял значения слов, а когда оно все же дошло до него, лицо юноши неожиданно покраснело. Первый раз Фу Ичжэнь видел,

чтобы кожа господина Ли принимала такой густой оттенок, и невольно улыбка осветила его лицо от этого небывалого зрелища.

Тут же Ли Инчунь без силы, но с искренним чувством ткнул Его Высочество в плечо. В возмущении господин Ли мог только воскликнуть (предусмотрительно понизив голос):

— Вы же принц! Ведите себя прилично! — и спешно вытолкал посмеивающегося Фу Ичжэня из собственных комнат. Чем он еще лучше Третьего принца... юноша не хотел знать, решительно не хотел!

Маленький театр:

Фэн Жун: Что такого можно было сказать?..

Первая принцесса: Я научу тебя потом, милый

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1740878>